

и та же трансформация в аспектах своих признаков может получать различные интерпретации. Множественность интерпретаций соответствует аспектам вариативности фактов перевода.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. Учебное пособие. – М.: Р. Валент, 2007. – 320 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 544 с.
3. Горохова А.И. Сопоставительный анализ способов достижения эквивалентности в синхронном и письменном пе-

- реводе: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 174 с.
4. Карабанова О.О. Переводческие трансформации как понятие и явление: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 166 с.
5. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
6. Латышев Л.К. Проблема эквивалентности перевода: Дисс. ... д-ра. филол. наук. – М., 1983. – 410 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
8. Штайер Е. О конверсной трансформации // Тетради переводчика. – № 7. – М.: Международные отношения, 1970. – С. 35-46.

УДК 811.161.1(091):811.111

Пельтина М.Н.

Московский государственный
областной университет

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ***

Аннотация. В статье исследуются особенности категории имени прилагательного в истории развития русского и английского языков. Анализ проводится на базе примеров определений, выраженных прилагательными в препозиции и постпозиции по отношению к определяемому слову из разных этапов развития языков.

Ключевые слова: синтаксис, члены предложения, определение, имя прилагательное, история английского и русского языков.

M. Peltina

Moscow State Regional University

THE ATTRIBUTE, EXPRESSED BY THE ADJECTIVE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE COMPARED WITH THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract. The peculiarities of the category of the adjective in the history of the Russian and English languages are analyzed in the article. The analysis is based on the examples of attributes, expressed by adjectives in preposition and postposition to the word they modify from different stages in the development of the languages.

Key words: syntax, members of the sentence, attribute, adjective, history of English, history of Russian.

Употребление разнообразных морфологи-

ческих средств для выражения тех или иных второстепенных членов предложения сложилось исторически. Морфологические категории специализировались для выражения определенных синтаксических функций, выделившись, по мере развития языка, как специфические формы выражения тех или иных членов предложения (глагол – сказуемое, имя существительное – подлежащее и дополнение, имя прилагательное – определение, наречие – обстоятельство).

Части речи, по определению Р.А. Аванесова, – это морфологизированные, застывшие члены предложения (Аванесов. Русский язык в школе, 1936. №4).

Постепенно с развитием грамматической системы языка развиваются его морфологические средства. Морфологические категории начинают функционировать в несвойственной для них синтаксической функции. Появляются несоответствия между морфологической категорией и синтаксической функцией.

Употребление морфологических категорий в несвойственных для них функциях привело к тому, что морфологически тождественные слова стали выполнять синтаксически различные функции и, наоборот, морфологически разные слова стали выполнять синтаксически одинаковые функции в структуре предложения.

На современном этапе развития языка морфологически одинаковые формы слов служат для

* © Пельтина М.Н.

выражения синтаксически различных функций, с одной стороны; с другой – одна и та же синтаксическая функция способна выражаться различными морфологическими средствами.

«Второстепенные члены предложения, – по определению В.Н. Шеина, – это такая синтаксическая категория, которая может быть выражена различными морфологическими средствами».

В данной статье мы рассмотрим определение как второстепенный член предложения, выраженный прилагательным, в истории русского языка в сопоставлении с английским языком.

Предпосылки развития определения создаются лишь по мере того, как говорящие начинают выделять те или иные свойства предметов, сравнивая эти предметы между собой, познавая один предмет через другой. Это познание свойств предметов развивается не путем пассивного их созерцания и сопоставления, а в активном процессе производства, в процессе труда. Подлинными предпосылками для возникновения в мысли категории свойства-признака, а в языке – синтаксической категории определения создаются лишь по мере того, как говорящие начинают воспроизводить те или иные свойства предмета, т.е. делать что-либо *круглым, красным, горьким* и т.д. Так как свойства предметов раскрываются через другие предметы, то первоначально названия тех или иных свойств – это не что иное, как названия предметов, которые с точки зрения говорящих являются преимущественными носителями этого свойства или признака. Так, первоначально свойство твердого выражается тем же словом, что и «камень», которое с точки зрения говорящих становится преимущественно носителем признака «твердости»; то же нужно сказать об обозначении «красного» через кровь или «голубого» через небо или же через другие предметы. Отсюда ясно, что на первоначальном этапе развития определения нет и не может быть речи об особой категории слов, выражающих признаки предметов, – выразителем свойств является та же грамматическая категория имен, названий предметов. Отсюда ясно также, что в своем генезисе все прилагательные являются относительными, семантически производными от какого-то названия предмета, через отношение к которому характеризуются другой или другие предметы.

В русском языке синкретизм вещи и ее признаков наглядно виден на истории отдельных лексических групп, в частности на обозначении цвета. Конкретные оттенки серого, красного, желтого, черного и других цветов одновремен-

но предстают обозначением предметного мира, который является носителем данного цвета: *ред-рый* от *редька*, *рудый* от *руда*, также *рыжий* и т.д. Соотношение современных существительных и прилагательных типа *друг-другой, лад-ладный* и т.д., а также поэтические выражения *жар-птица, чудо-девица, сила-рать* и др. указывают на то же совпадение вещи и типичного ее признака в общем имени. Лишь постепенно, с развитием отвлеченного мышления, признак обособляется как таковой и мыслится отдельно. Тогда образуются качественные прилагательные, в которых образ предмета уже отсутствует. Качественное прилагательное – категория более отвлеченная, чем относительное. В.В. Колесов указывает и другую точку зрения: «имена существительные и имена прилагательные одновременно вычленились из синкретизма имени в момент, когда субстанция и ее качество воспринимались в единстве» [В.В. Колесов 2005, 331].

Последовательность выделения различных типов прилагательных-определений также показательна. Выделение необходимого для сознания признака происходило в последовательности: предметное имя – притяжательное – относительное – качественное имя, что соответственно выражает: конкретное отношение к другому предмету или лицу – личное свойство предмета или лица или – совершенно отвлеченный признак.

С точки зрения содержательного признака, качественные прилагательные связаны с выражением идеи времени, а притяжательно-относительные – идеи пространственного размещения. Это различие обусловило расхождение в их грамматических характеристиках. В отличие от качественных, относительные прилагательные не имеют (или редко развивают) степеней сравнения – ни количественных (сравнительной и превосходной), ни качественных (уменьшительно-увеличительных), они редко используются в составе сказуемого и вообще мало сохраняют краткие формы.

Различие признаков (притяжательные принадлежности, относительные свойства, качественные признаки), выявившееся очень рано, создало их семантическую градацию и тем самым потребовало специальных форм для их выражения.

Глубокая связь между существительным и прилагательным в славянских языках грамматически выражается прежде всего в том, что склонение прилагательных кратких, т.е. древнейшего слоя прилагательных тождественно со склонением существительных на –о, –а: *добръ, добра, доб-*

ро склоняются также, как *столь, жена, село*.

Остатки исходного синкретизма можно найти в древнерусских текстах в виде формул типа *съ маломъ же дружины възратися, направо и налево, смолоду, спроста вещи, никакова худа* и др. Один из списков «Повести временных лет» от 971 г. сохранил древнюю формулу языческой клятвы «*Да будемъ золоти яко золото*», в которой «*золоти*» еще существительное, но уже и прилагательное.

Важным средством выделения имен прилагательных стала суффиксация – формальное средство вычленения имен прилагательных; она наблюдается уже в древнейших основах на *и-*, *і-*. Число корней с суффиксами было значительным, обычно они имели наконечное ударение и краткий гласный корня: *лъгъкъ, дързъкъ, тънькъ* и др.

Поскольку имена существительные образовывали свои производные с помощью других суффиксов, суффиксальные определительные имена формально выделились из числа вещественных имен и предстали уже как собственно имена прилагательные.

В древнерусском языке, как и в современном русском языке, существовали и краткие (нечленные, именные) прилагательные, и полные (членные, местоименные). Но в древнерусском грамматическая функция *и*, следовательно, взаимное отношение этих двух видов прилагательных были другими, чем в современном языке. В древнерусском языке краткие прилагательные выступали не только в качестве предиката-сказуемого, но и в качестве атрибута-определения, причем краткие прилагательные в функции определения согласовывались с определяемым существительным в роде, числе и падеже, т.е. склонялись. Было три категории кратких прилагательных – качественные, относительные и притяжательные; все они изменялись по родам и числам и склонялись как существительные муж. и ср. р. с древней основой на *ѡ* твердой и мягкой разновидностей и как существительные ж.р. основой на *а* также обеих разновидностей.

Что касается кратких притяжательных прилагательных, то они в древнерусском образовывались не только от суффиксов *-овъ(-евъ)* и *инъ(,братовъ, сестеринъ)*, но и *-ъ, -ја, -је* (*дъчерь мьстиславлю* (Новг. летопись)) Последние не сохранились в истории русского языка и были утрачены. Остатки их являются теперь названиями городов, как *Ярославль* (город Ярослава), *Перемышль* (город Перемысла).

Приведем примеры определений, выраженных краткими прилагательными в препозиции (здесь и далее примеры взяты из «Хрестоматии по истории русского языка»):

глад кръпокъ (Остромирово Евангелие)

церковь камену (Повесть о разорении Рязани Батыем)

жены красны (Послание Якова Черноризца к князю)

исходитъ изъ моря того, яко отъ съры горяща (Хождение Даниила Игумена)

воду сладку и студену (Хождение Даниила Игумена)

свистъ звъринъ (Слово о плъку Игоревъ)

Определения, выраженные краткими прилагательными в постпозиции:

златъ стремя (Слово о плъку Игоревъ)

злата стола (Слово о плъку Игоревъ)

Дажьдъбожа внука (Слово о плъку Игоревъ)

чръна земля (Слово о плъку Игоревъ)

История этих прилагательных заключалась в постепенной утрате ими своего склонения, которая шла постепенно, охватывая все большее число форм. Раньше всего были утрачены формы творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, а также дательного творительного двойственного числа, дательного и местного множественного числа *и*, наконец, творительного падежа множественного числа женского рода.

Полные прилагательные образовывались от кратких путем прибавления к кратким определенного местоимения *и, я, е*. Первоначально местоимение сохраняло свою полную значимость, и в выражениях *добръ-и, добра-я, добро-е* различались две части – собственно прилагательное и указательное местоимение *и, я, е*, которое хотя и ставилось при прилагательном, но относилось к определенному существительному, функционируя в качестве определенного члена к этому существительному: в *добра я жена, я* относилось к *жена*, указывая на нее как на определенный, известный, упомянутый предмет. Таким образом, наличие местоимений при прилагательных в одних случаях и отсутствие их в других первоначально выражало категорию определенности и неопределенности в применении к существительным, которых определяло прилагательное. Однако уже в древнейших памятниках наблюдается как бы распад категории определенности и неопределенности, едва успевшей возникнуть в языке; все более выдвигается роль кратких прилагательных как предикатов.

Исконная слабость категории определенности и неопределенности заключалась прежде всего в следующем. Местоимения *и, я, е* ставились при кратких прилагательных, превращая их в полные, только тогда, когда прилагательные выступали в качестве определений-атрибутов; когда же прилагательное стояло в качестве сказуемого-предиката, т.е. в предикативной функции, то при нем определенный член первоначально никогда не ставился. Это объясняется тем, что предикат в именном сказуемом выступает сам по себе как признак, приписываемый или открываемый в уже известном, определенном предмете; в этом случае существительное, к которому относится прилагательное (подлежащее), оказывается всегда определенным для высказывающегося. *Дом – камен, красен* можно сказать только об известном говорящему доме. Вот почему некоторые исследователи справедливо отмечают, что в древнерусском полные прилагательные никогда в сказуемом не ставились. Таким образом, внутри прилагательных с самого начала полные и краткие противопоставлялись как определенные и неопределенные, с одной стороны, и как атрибутивные и предикативные – с другой.

Приведем примеры определений, выраженных полными прилагательными в препозиции в древнерусском (здесь и далее примеры приводятся из Хрестоматии по истории русского языка):

милое мое чадо (Плач Богородицы)

бѣдных моих словес (Повесть о разорении Рязани Батыем)

изрядныя красоты (Повесть об убиении Андрея Боголюбского)

чюжея доброты (Послание Якова Чернорица к князю)

честныхъ мужь (Послание Якова Чернорица к князю)

милья...красныя Гльбовны (Слово о плъку Игоревъ)

лебедиными крылы (Слово о плъку Игоревъ)

сильными плъкы и харалужными мечи (Слово о плъку Игоревъ)

Примеры полных форм прилагательных- определений в постпозиции в древнерусском:

животе мои драги (Повесть о разорении Рязани Батыем)

солнце мое драгое (Повесть о разорении Рязани Батыем)

месяци красны..., звезды восточные (Повесть об убиении Андрея Боголюбского)

князь благовѣрный (Повесть об убиении Андрея Боголюбского)

жемчюгомъ великымъ (Повесть об убиении Андрея Боголюбского)

добродѣтелю церковною (Повесть об убиении Андрея Боголюбского)

головы половецкыя (Слово о плъку Игоревъ)

Основная особенность английского языка заключается в том, что в ходе исторического развития в нем исчезли почти все грамматические окончания (словоизменительные суффиксы) имени прилагательного. Эти изменения происходили постепенно.

Что касается древнеанглийского языка, то, в отличие от современного, прилагательные согласовывались с существительным в роде, числе и падеже. Они склонялись, как и существительные, имели формы ед. и мн. ч., м., ж. и ср. р. Но в отличие от существительных, они имели не 4, а 5 падежей. Также различали сильное и слабое склонение прилагательных, которые, как и в русском, связаны были с категорией определенности/неопределенности. Так, прилагательное употреблялось в сильной форме в предикативной функции и в качестве определения, но без других определителей, например (здесь и далее примеры приводятся из «Хрестоматии по истории английского языка»):

Ða menn sindon ?ode (the men are good),
mid hnescre beddine?e (with soft bedding).

Слабая форма прилагательного использовалась, когда ему предшествовало указательное местоимение или личное местоимение в р.п., например:

Ðæt wꝥste land (that uninhabited land),
Ðu bestan lꝥofe (with the best song).

А также когда прилагательное было частью прямого обращения, например:

Ðu lꝥofa drihten (thou dear Lord).

Таким образом, сильные формы прилагательного ассоциировались со значением неопределенности (грубо говоря, соотносились со значением современного неопределенного артикля), а слабые формы – со значением определенности (что соответствует значению современного определенного артикля). Поэтому слабые формы употреблялись с указательными местоимениями.

В качестве определения прилагательное в древнеанглийском могло находиться в препозиции и постпозиции по отношению к определяемому существительному:

mid Ðam dꝥorwurPustan rꝥafe (с той самой ценной одеждой);

Ðæt wꝥste land (та пустынная земля);

of hiera á.num lande (об их собственной земле);

swýðe sprçdi. man (очень богатый человек);

Ræm westenne (той дикой местности);

stí?e nearwe (узкие дорожки);

Bás Bçóde swytol .esýne (того народа, ясно видимого).

В ряде случаев вынесение определения в постпозицию объясняется в основном стилистическими причинами, а в поэзии – ритмом. Так, если при одном определяемом стояло два определения, выраженных прилагательным, то одно из них обычно находилось в препозиции, а другое в постпозиции по отношению к определяемому:

sç .ræ.a tæw wæl.ífre (эта серая чайка кроважидная).

Как мы видим, на древнем этапе развития русского и английского языка прилагательные согласовывались с существительным в роде, числе и падеже, в качестве определения употреблялись в препозиции и постпозиции к определяемому, имели две формы (сильную и слабую), которые были связаны с категорией определенности/неопределенности.

Перейдем к рассмотрению второго этапа в развитии русского языка и приведем примеры определений, выраженных краткими прилагательными в XIV-XVI вв. Следует отметить, что краткие прилагательные в этот период в функции определения встречаются в постпозиции:

невъсту добру и преукрашену (Житие Стефана Пермского)

хлебы пшеничны чисты, крупитчаты (Истины показания к вопросившем о новом учении)

хлеб овсян (Истины показания к вопросившем о новом учении)

Начиная с XVII в. такие прилагательные в функции определения встречаются редко. Изредка падежные формы кратких прилагательных попадают в застывших лексикализованных выражениях типа *на босу ногу, среди бела дня, по белу свету* и т.д., а также в наречиях типа *издавна, смолоду, снова* и пр. Употребление падежных форм кратких прилагательных как архаизмов можно найти в фольклоре, в диалектах. В стилистических целях они употребляются в художественной литературе (в высокой лирике XVIII-XIX вв., в произведениях, стилизованных под фольклор и т.п.). Это подтверждает тот факт, что в процессе развития русского языка краткие прилагательные перестали употребляться в качестве определений и в связи с этим утратили склонение.

Примеры полных форм прилагательных-определений в препозиции в XIV-XVI вв.:

чистою совъстию...горящим желанием (Житие Стефана Пермского)

человечьскими хытростми (Житие Стефана Пермского)

божиею славою (Житие Стефана Пермского)

телесныя гръхы (Житие Стефана Пермского)

капустное листовие (Истины показания к вопросившем о новом учении)

Полные прилагательные-определения в постпозиции:

цвъте прекрасный (Истины показания к вопросившем о новом учении)

винограде многоплодный (Истины показания к вопросившем о новом учении)

священем великымъ (Житие Стефана Пермского)

мъсяць мой свътлый (Истины показания к вопросившем о новом учении)

птиця небесныя (Истины показания к вопросившем о новом учении)

уха белыя и черная и красныя (Истины показания к вопросившем о новом учении)

классы ржаные (Истины показания к вопросившем о новом учении)

Для определения, выраженного прилагательным, в среднеанглийском характерно то, что в связи с потерей окончаний прилагательными и существительными исчезает согласование (в начале периода, правда, согласование в числе присутствует у прилагательных). Основным средством синтаксической связи в препозитивной группе становится примыкание. Расположение членов словосочетания становится более фиксированным; так, начиная со среднеанглийского, возникает твердый порядок слов в группе «определение + определяемое». Это проявляется в частности в том, что прилагательное получает постоянную позицию слева от существительного. Постпозиция прилагательного ещё возможна, но она объясняется французским влиянием или требованиями ритма:

shoures soote (сладкие ливни);

the service dyууne (божественная служба)

with lokkes crulle (с хорошо завитыми локонами);

barres smale (маленькие полоски);

Возникновение определенного и неопределенного артиклей ограничивает группу существительного слева, поэтому дистантное рас-

положение прилагательного по отношению к определяемому становится невозможным:

- the younge sonne* (молодое солнце);
- the tendre croppes* (мягкие побеги);
- a lerned man* (ученый человек);
- a worthy man* (почтенный человек);
- a lusty bachelor* (веселый холостяк);
- the hoote somer* (жаркое лето).

Со второй половины XIII в. наблюдается значительный рост количества определений при одном существительном и, соответственно, углубление синтаксической перспективы группы существительного. Количество уровней подчинения в именной группе в прозаических произведениях конца среднеанглийского периода достигает четырех или пяти, однако наиболее частотными по-прежнему остаются группы с двумя или тремя уровнями соподчинения:

- a verray parfit gentil knyght* (безупречно благородный рыцарь);
- so many divers longages and tonges* (так много различных языков);
- his firste longage* (его первый, родной язык);
- Be forsaide Saxon tonge* (вышеупомянутый саксонский язык);
- a ful solempne man* (очень напыщенный человек);
- every poure wight* (каждое бедное существо).

Потеря прилагательными окончаний, установление твердого порядка слов свидетельствует об усилению развивающихся в это время аналитических тенденциях английского языка, что отличает его от русского как языка, принадлежащего к синтетической группе языков.

И, наконец, перейдем к рассмотрению третьего периода в истории развития английского и русского языков.

Примеры полных прилагательных-определений в препозиции в русском языке, начиная с XVII в.:

- приезжих людях* (Русская демократическая сатира)
- келейного правила* (Русская демократическая сатира)
- в великом донскомъ войску...немецкия земли* (Повесть об азовском взятии)
- у запорожского войска...бысть великая радость...о государьском жаловане и о прибылых людях* (Повесть об азовском взятии)
- под земляной их вал* (Повесть об азовском взятии)

Полные прилагательные-определения в пос-

тпозиции:

- покой великой* (Повесть об азовском взятии)
- дворы себь потайные великие подъяли...*
- учинили прямую избаву великую* (Повесть об азовском взятии)
- поля чистые* (Повесть об азовском взятии)
- хлѣхчють орлы сизыя и грают вороны черныя подле Дону тихова* (Повесть об азовском взятии)

Проведенное нами исследование в рамках русского языка показало, что в памятниках XI-XIII вв. краткие прилагательные в сочетании с существительными составляли около трети употреблений, но к XIV в. краткие формы сохранились лишь у некоторых прилагательных в устойчивых атрибутивных сочетаниях. К этому времени падежно-числовая парадигма кратких прилагательных разрушилась и сохранились лишь формы им. п. – вин. п. Расширилось употребление полных прилагательных в сочетании с указательным или притяжательным местоимением, что доказывает, насколько основательно утратилось противопоставление полных и кратких прилагательных по признаку определенности/неопределенности.

После XV в. совершенно точно уясняется распределение, согласно которому членное прилагательное в сочетании с существительным передает содержание понятия, выраженного аналитически (*великий князь, святая Троица*), а краткая - предикат в суждении, данный для выделения коммуникативного нового (*домъ великъ*).

В древнейших текстах прилагательное обычно стоит в постпозиции к определяемому слову, т.е. преобладает предикативный его признак, но в связи с уменьшением кратких прилагательных, утратой признака определенности/неопределенности и новым распределением двух типов прилагательных употребление членных в атрибутивной функции закрепляется в препозиции к определяемому слову. Тогда же полные формы относительных прилагательных в предикативной функции исчезают.

Изменения прилагательных по форме (краткие – полные), по значению (качественные – относительно-притяжательные) и по функции (определение – предикатив) были направлены общими представлениями Средневековья о характере и смысле определения вообще.

Средневековые грамматические учения, основанные на аристотелевских определениях, устанавливали различие существ и предметов по трем признакам: отличительному (*человѣкъ разумный*), его собственному (*человѣкъ смѣшивъ*)

и «привходящему» (например, человек может быть *черный* или *белый*).

Привходящий признак является в суждении и явно соотносится с кратким прилагательным в предикате: *человек добр...нищ...бос* и т.д. Собственный признак выражается притяжательным прилагательным, отличительный признак передается полным прилагательным в определении к имени: *добрые люди, изящный мужь*. Это объясняет тот факт, что относительные прилагательные широко представлены в атрибутивных сочетаниях.

В последовательном преобразовании форм имени прилагательного можно выделить два хронологически разных этапа, каждый из которых определяется своими категориальными особенностями:

1) на первом этапе (древнерусский язык) включением разных типов прилагательных противопоставление определенности/неопределенности раскладывалась на градуальное и выражало различные признаки определения; определенность порождает определения различного типа и качества, от предикатного (синтаксического) *миръ добръ* в различных вариантах (*добръ миръ, миръ добрый...*) до полного определения *добрый миръ*.

2) второй этап начинается в XVII в., его результат представлен современным литературным языком с характерной его привативной оппозицией атрибутивность/неатрибутивность и полными формами имени прилагательного как морфологически самостоятельной частью речи.

Итак, полные прилагательные стали представителями категории прилагательных вообще, прилагательными по преимуществу. Они имели особое, отличное от имен, оформление; в их лице, на их основе в русском языке возникла особая морфологическая категория прилагательных. Таким образом, именно на базе синтаксической функции категории определения в русском языке развилась морфологическая категория прилагательных.

Что касается английского языка третьего периода развития – ранненовоанглийского, то для него характерно дальнейшее уточнение отношений между определением и определяемым. К XIV в. полностью исчезают падежные окончания у прилагательных. Непосредственным следствием этих отношений была перестройка способов выражения синтаксических отношений и выработка позиционной характеристики членов словосочетания и предложения. Происходит установление твердого порядка слов. С этого времени функция

слова в предложении определяется главным образом его позицией. Так, определения, выраженный прилагательными, закрепляются в препозиции:

*Foretell new stormes to those already spent,
A vulgar comment will be made of it,
Any letters for me, Give me the ones in fat grey envelopes.*

Для ранненовоанглийского периода, как и для конца среднеанглийского, характерна значительная синтаксическая глубина определений. Количество элементов в группе существительного не зависит от его позиции в предложении:

“Most excellent accomplished lady, the heavens rain odours on you!” (William Shakespeare);

“My matter hath no voice, lady, but to your own most pregnant and vouchsafed ear” (William Shakespeare);

“A very dishonest paltry boy, and more a coward than a hare” (William Shakespeare).

Итак, история категории прилагательных в русском языке показывает, что хотя и шла утра теми некоторых форм (формы кратких прилагательных), а полные прилагательные в атрибутивной функции закрепляются в препозиции к определяемому слову, русский язык остается синтетическим, который имеет свободный порядок слов, и в котором связь между словами заключена в самих словах (благодаря наличию развитой системы флексий).

В отличие от него, английский на древних этапах своего развития ближе к синтетическому типу (согласование имен прилагательных с существительными в роде, числе и падеже подтверждает это), но современный английский язык относится к группе аналитических языков. В нем для построения предложений используются, по преимуществу, аналитические средства: члены английского предложения следуют в определенном, почти неизменном порядке, а для уточнения морфологических форм и явлений широко используются строевые слова: артикли, предлоги, вспомогательные глаголы и т.д. И полная утрата прилагательными своих форм является особенностью английского как языка аналитического типа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории, «Русский язык в школе». – 1936. № 4. – С. 53 – 60.
2. Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка. – М., 1955. – 348 с.
3. Баранов В.А. Формирование определительных категорий

- в истории русского языка. – Казань, 2003. – 155 с.
4. Бруннер К. История английского языка, т. I-II. Перев. с нем. – М.: Иностранная литература, 1955-1956. – 720 с.
 5. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с., ил.
 6. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка, – М., 1998. – 512с.
 7. Ильиш Б.А. История английского языка. – М, 1968. – 372 с.
 8. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
 9. Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть 1. Издательство: АСПЕКТ ПРЕСС, 1999. – 439 с.
 10. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII век. – М., 1953. – 288 с.
 11. Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. – Вып.2. – М., 1957. – С. 43-123.
 12. Фролова С.В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. – Вып. 32.-1960. – С. 323-340.
 13. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М., 1953. – 368 с.
 14. Шекспир В. Двенадцатая ночь: Книга для чтения на английском языке. – СПб.: Антология, 2003. – 128 с.

УДК 811.161.1'37+811.163.2'37

Петкова З.А.

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (г. Москва)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ*

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному анализу семантических особенностей звукоподражательных слов в русском и болгарском языках. В статье анализируются совпадения и расхождения звукоподражаний в плане содержания и в плане выражения в обоих языках, а также рассматриваются звукоподражательные слова как элементы фразеологических единиц. В статье затрагивается и проблема звукоподражаний в истории русской и болгарской лингвистики.

Ключевые слова: звукоподражание, семантика, фразеология, русский язык, болгарский язык.

Z. Petkova

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF ONOMATOPOEIA IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of the onomatopoeia's semantic characteristics in the Russian and Bulgarian languages. The article analyzes the onomatopoeia's similarities and differences in the terms of content and expressions in both languages, as well as examines onomatopoeic words as elements of phraseological units. The article also tackles the problem of onomatopoeia in the history of the Russian and Bulgarian linguistics.

Key words: Onomatopoeia, semantics, phraseology, the Russian language, the Bulgarian language.

Сопоставительный анализ грамматических и лексических единиц различных языков по-прежнему интересует современных лингвистов. Особый интерес представляет сопоставление сходных объектов в родственных языках, поскольку именно близкое родство позволяет выявить и постараться объяснить наиболее тонкие функциональные различия, а также отчасти проследить историю развития того или иного явления. Так, существует множество исследований, в которых проводится сопоставительный анализ различных аспектов русского и болгарского языков.

Звукоподражательные слова пока еще не стали объектом сопоставительного исследования. Казалось бы, звукоподражания с их особой изобразительностью, высокой экспрессивностью, яркой внутренней формой слова и фонетической неустойчивостью должны представлять большой интерес для ученых. Однако неопределенность их положения в грамматической системе языка, в частности, отсутствие среди лингвистов единого мнения о месте таких лексических единиц в системе языка, и отсутствие выработанных методов для их исследования, явились причиной их недостаточной изученности.

* © Петкова З.А.